

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.091.3

А. А. Мельникова

Формирование социокультурной компетенции будущих переводчиков с опорой на британский фольклор

Статья посвящена рассмотрению роли фольклора в формировании социокультурной компетенции будущих переводчиков и характеристике историко-культурного аспекта становления и развития британского фольклора.

Ключевые слова: фольклор, картина мира, социокультурная компетенция, мифология.

A. A. Melnikova

Formation of the Sociocultural Competence of Future Interpreters on the Basis of British Folklore

The present article concerns the role of folklore studies in the process of future-interpreters' training and historical and cultural observation of the development of British folklore.

Keywords: folklore, world picture, a sociocultural competence, mythology

Роль национального фольклора в воспитании детей, в становлении их личности и картины мира не раз подчеркивалась учеными. На сегодняшний день, пожалуй, можно считать доказанным тот факт, что различные жанры фольклора, как бы ни менялось их оформление, в силу своих жанровых особенностей всегда имеют определенный инвариант - ключевые образы и действия, являющиеся архетипичными и восходящие к мифам.

Впрочем, в том, что касается различных трактовок и определений отдельных фольклорных жанров и, самое главное, целей их создания, исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, и история, написанная еще в 1905 году датским журналистом и писателем-сказочником Карлом Эвальдом, по сей день вызывает жаркие споры между теми, кто ставит вопрос, что же такое сказка и зачем она нужна. История эта проста:

Однажды, много лет назад, из мира вдруг исчезла Истина, и, узнав об этом, люди отправили на ее поиски пятерых мудрецов, которые разбрелись по свету кто куда. Вернувшись, каждый из них сказал, что нашел Истину. Первый провозгласил, что нашел ее в Науке, второй – в Теологии, третий в восхищении рассказывал, что видел Истину в Любви, четвертый кратко заметил, что Истина лишь в Золоте, остальное – чепуха, ну а пятый, который был настолько пьян,

что не мог стоять на ногах, заявил, хихикая, что нашел Истину в Вине. Каждый настаивал на своем, и спор перерос в грандиозную драку, у каждого мудреца появились последователи, и все вместе они кричали и ругались так громко, что поначалу и не услышали маленькую девочку, которая сказала, что нашла Истину. Но так мила была девочка, что в битве наступило затишье. Сперва один, за ним еще один, и постепенно все пошло за девочкой и на зеленом лугу увидели невиданное существо – не было оно ни мужчиной, ни женщиной, ни взрослым, ни ребенком. Лицо его было одухотворенным, как у тех, кто никогда не знал греха, а глаза настолько глубокими, будто читали в сердце самого мира. Рот его открылся сначала в самой радостной улыбке, а затем искривился в самой грустной печали, какую только можно было вообразить. Его руки были добрыми, как руки матери и твердыми, как рука короля, его ноги ступали по земле твердо, но не приминали ни единой травинки, а за спиной у него были большие оперенные крылья. Голосом, похожим на колокольный звон, существо объявило:

- Я – Истина.
- Это Сказка! – закричало Знание.
- Это Сказка! – закричали Теология, и Любовь, и Золото, и Вино.

Затем пятеро мудрецов и их последователи ушли и продолжили драку, и дрались до тех пор, пока не сотрясли мир до самого основания.

Но несколько стариков и молодых мужчин, чьи сердца были пылкими, а души ищущими, и многие

женщины и тысячи детей остались на лугу вместе со Сказкой [1].

Исключительная роль фольклора заключается в том, что именно через знакомство с ним дети открывают для себя и присваивают национальную наивную картину мира, выстраивают систему ценностей и ценностных ориентиров, хотя, если спросить об этом взрослых, они вряд ли смогут выделить в своем мировоззрении заложенные сказками, былинами, песнями и балладами основы. Наивная картина мира формируется скорее на подсознательном уровне и, сколько бы ни говорили о научном мышлении, лежит в основе всего нашего поведения, поскольку принимается как единственно верная и правильная, естественная. Причина этого, вероятно, заключается в том, что «наука не разрешает такие общие метафизические проблемы, как смысл жизни, цель истории, тайна смерти и т.п., а мифология претендует на их разрешение» [6, с. 422]. Неслучайно мы говорим здесь о мифологии, ведь словесный фольклор с древнейших времен являлся главной формой ее бытования, фиксировал и сохранял содержавшиеся в ней ответы на те философские вопросы, о которых говорит Е.М. Мелетинский: «В самих фольклорных текстах мифы присутствуют и в виде архаических представлений о мире и человеке, и в качестве существенных элементов поэтического языка и стиля, и как определенный повествовательный жанр, генетически предшествующий другим эпическим жанрам» [7, с. 11].

Однако наступает момент, когда мы сталкиваемся с людьми, принадлежащими иной культуре, картина мира которых может кардинально отличаться от нашей. То же самое происходит и когда мы осваиваем иностранный язык – по сути, присваиваем чужую языковую картину мира.

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на особенностях сосуществования нескольких языковых картин мира в сознании лингвистов и переводчиков, скажем лишь, что зачастую при обучении иностранному языку учителя и преподаватели, следуя за существующими учебниками, обращают внимание лишь на грамматические конструкции и лексический минимум, достаточный для достижения определенных коммуникативных целей, но никоим образом не достаточный для понимания самой сути другой культуры, что, в свою очередь, делает невозможной полноценную коммуникацию. Изучающие иностранный язык, разумеется, могут сами заполнить подобный пробел, постоянно

общаясь с носителями языка или живя в стране, где данный язык является государственным, однако даже сейчас такая возможность есть далеко не у всех. Именно поэтому мы подчеркиваем важность аутентичного народного фольклора страны изучаемого языка как средства полноценной инкультурации при профессиональном изучении иностранных языков.

Сам термин «фольклор» (англ. folk lore – «народная мудрость») был введен в употребление английским ученым У. Дж. Томсом еще в 1846 г. для обозначения народной культуры, однако в современной фольклористике это слово понимается двояко – более широко и более узко. В узком смысле фольклором называют устное словесное и музыкальное народное творчество, в более широком – всю совокупность явлений культуры, порождённых творчеством коллектива или индивидов в рамках коллективного сознания. В последнем понимании фольклор включает не только словесные жанры, но и язык, верования, обряды, ремесла [5].

В современном литературоведении фольклор трактуется как народное поэтическое творчество, народная словесность, народная поэзия, устная словесность: совокупность различных видов и форм массового словесно-художественного творчества, вошедших в бытовую традицию того или иного народа. Главная особенность фольклора заключается в том, что он являет собой искусство устного слова. Отсюда его традиционность, непридуманная народность, вариантность, контактность творца или исполнителя со слушателем, коллективность создания и распространения. Фольклор представляет собой важнейшую часть национальной культуры каждого народа, однако, несмотря на выразительную национальную окраску фольклорных произведений, многие их темы, мотивы, образы и сюжеты оказываются очень близкими для разных народов. Среди многочисленных жанров фольклора выделяются былины, сказки, загадки, пословицы, поговорки, баллады, песни, частушки, обрядовая поэзия, притчи, легенды, духовные стихи [4, с. 241].

Итак, определив цели включения фольклорного материала в курс обучения иностранному языку, в нашем случае английскому, мы сталкиваемся с задачей выделения из всего массива национального фольклора тех его элементов, которые являются ключевыми и формируют символическое пространство британской культуры (культурный код). Решение данной задачи предполагает рассмотрение всего комплекса фольк-

лорных произведений Британских островов, однако первая трудность, с которой сталкивается исследователь при работе над данной темой, – отсутствие единства в том массиве фольклора, который можно было бы назвать британским. В связи с особенностями исторического развития страны каждая ее часть имеет собственные фольклорные произведения, одни из которых являются национально-специфичными, а другие восходят к общему мифологическому инварианту.

Древнейшей основой британского фольклора является, несомненно, кельтская мифология, различные мотивы которой прослеживаются на всем протяжении развития британской литературы и наиболее ярко проявляются в цикле легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Кельтское население обитало здесь на протяжении более тысячи лет, благополучно пережило римское завоевание, и было вытеснено лишь в V-VII вв. н.э. племенами англосаксов, ютов и фризов. Часть бриттов покинула Британию, поселившись в Арморике (нынешней Бретани) и была романизирована, другая часть была вытеснена в Корнуолл, Страйтклайд, Уэльс, Ирландию и северную часть Шотландии [3, с. 5], сохранив при этом свое культурное наследие. Неслучайно поэтому после нормандского завоевания (XI в.) интерес к древним кельтским преданиям значительно возрос – завоеватели (по сути романизированные бритты) воспринимались в этих областях страны как освободители от владычества англо-саксов. Именно в это время появляется Артуровский цикл, к которому впоследствии будут присоединены многие первоначально самостоятельные легенды, и который будет постоянно подпитываться кельтскими сказочными сюжетами.

Те же мотивы сохранялись и в Шотландии, хотя англо-саксонское влияние в южной части страны было велико – Эдинбург, центр шотландской низменной плодородной области, ранее спорной между кельтами и англами, а теперь полностью англоязычной, стал излюбленным местом пребывания двора, а в XIV – XV вв. местные жители называли свой язык «английским» в отличие от «шотландского» языка кельтских горцев [3, с. 170]. Весьма популярным на западе страны был образ Томаса Рифмача (Thomas the Rymour), мифологизированного персонажа, ставшего героем многих легенд, в основе которых лежат мотивы кельтских народных сказок –

любовь смертного и феи, королевство фей, бессмертие, пророческий дар.

Для человеческого сознания в целом характерно сведение даже реально произошедших на памяти одного-двух поколений историй к типовой сюжетной модели и архетипическим персонажам – народная память возвращает историческому персонажу нового времени его значение имитатора архетипа и воспроизводителя архетипических действий [3, с. 52].

Кельтские сказания представляли собой кладезь сюжетов и образов, к которому обращались англо-нормандские и французские поэты в конце XII – нач. XIII вв. Широкому их распространению способствовали как странствующие бретонские певцы и рассказчики, так и то обстоятельство, что населения многих областей все еще было кельтским.

Кроме кельтского компонента, значительное влияние на английский фольклор оказали германские племена, начавшие переселяться на земли Британии с 441-442 гг. н.э. и примерно через столетие заселившие весь юг, центр и северо-восток нынешней Англии – англосаксы, фризы и юты. Долгое время их песни и сказания сохраняли отзвуки преданий из сюжетов, составлявших содержание германской поэзии на континенте в более ранний период, однако обработка их совершалась уже под влиянием новых исторических условий жизни в Британии, в частности, под влиянием соприкосновения с латинской культурой – результата христианизации [3, с. 20].

Кельты приняли христианство еще в римскую эпоху, а в III – IV вв. оно перешло и в Ирландию, что способствовало приобщению страны к античной культуре. Германские племена англосаксов были язычниками, что вызвало новую волну христианизации, которая, впрочем, успешно завершилась уже к VII в. Христианские мотивы были, несомненно, популярны в народном творчестве, помимо привнесения новых, библейских сюжетов, религия изменяла уже существовавшие сказочные и легендарные темы. Так, в цикл легенд о короле Артуре была включена тема поисков Святого Грааля, а христианские понятия греха и добродетели прочно закрепились в мировоззрении британцев.

Значительное влияние на развитие литературы вообще и фольклора в частности оказало и нормандское завоевание XI в. С одной стороны, оно способствовало возрастанию интереса к древнему кельтскому наследию бриттов, с другой – открывало доступ к достижениям француз-

ской литературы. Вероятно, именно двуязычным менестрелям XIII в. принадлежит немалая роль в распространении в Англии таких сюжетов, которые легли в основу рыцарского романа о Короле Горне, первоосновой которого было, вероятно, предание времен датских вторжений в Англию и Ирландию, и поэмы «Песнь о Гавелоке» [3, с.145].

Таким образом, комплекс произведений британского фольклора складывался под влиянием нескольких литературных и культурных традиций – мифологической кельтской, германской, куртуазной французской, античной, христианской и, наконец, восточной, что было связано с крестовыми походами. Причем, если часть указанных мотивов знакома в наши дни большинству представителей европейской христианской культуры, то часть их остается национально-специфичной. Прежде всего, это сюжеты, имеющие своей основой кельтскую или германскую мифологию, а также конкретные исторические персонажи и события, которые чаще всего находят отражения в народных балладах. Именно на них следует сосредоточить внимание будущих переводчиков, чтобы помочь им воспринять наивную картину мира, которая для самих британцев является естественной и, вероятно, бессознательной. Умение увидеть в тексте и, самое главное, понять аллюзию, денотат которой относится к области мифологии и фольклора, – сложнейшая задача, порой неподвластная даже опытным переводчикам, особенно в ситуации устного перевода, когда нет возможности воспользоваться необходимой литературой. Поэтому изучение фольклора страны изучаемого языка, являющегося квинтэссенцией мифологических, религиозных и архетипических представлений народа, – чрезвычайно важная часть обучения будущих переводчиков.

Библиографический список

1. Ewald, Carl The Story of a Fairy Tale [Text] /Jack Zipes// Spells of Enchantment: The Wondrous Fairy Tales of Western Culture/ VIKING, Penguin group, 1991. – pp.577-580.
2. Jacqueline Simpson, Steve Roud A Dictionary of English Folklore [Text] /J.Simpson, S.Roud; Oxford University Press Inc., New York, 2000. – 411p.
3. История английской литературы [Текст]: в 2 ч. - Ч. I / под ред. проф. М. П. Алексеева, проф. И. И. Анисимова, проф. А. К. Дживелегова, А. А. Елистратовой, чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского, проф. М. М. Морозова. - М.-Л. Издательство Академии Наук СССР, 1943. – 383с.

4. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. [Текст] / И.А. Книгин. - Саратов: Лицей, 2006. - 270 с.

5. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. [Текст] /под ред. П. А. Николаева, М. В. Строганова; - М.: Росмэн-Пресс, 2006. — 584с.

6. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век [Текст] // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. - М.: Рос. Гуманит.ун-т, 2008. - С. 422-429.

7. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора [Текст] //Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. - М.: Рос. Гуманит.ун-т, 2008. - С. 9-29.

8. Мелетинский Е.М. Миф и сказка [Текст] // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. - М.: Рос. Гуманит. ун-т, 2008. – С.272-283.

9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении [Текст]. - М.: Ладомир, 2000. – 415 с.

Bibliograficheski spisok

1. Ewald, Carl The Story of a Fairy Tale [Text] /Jack Zipes // Spells of Enchantment: The Wondrous Fairy Tales of Western Culture/ VIKING, Penguin group, 1991. – pp.577-580.
2. Jacqueline Simpson, Steve Roud A Dictionary of English Folklore [Text] / J.Simpson, S.Roud; Oxford University Press Inc., New York, 2000. – 411p.
3. Istoriya anglijskoj literatury [Tekst]: v 2 ch. - CH. I / pod red. prof. M. P. Alekseeva, prof. I. I. Anisimova, prof. A. K. Dzhivelegova, A. A. Elistra-tovoj, chl.-korr. AN SSSR V. M. Zhirmunskogo, prof. M. M. Morozova. - M.-L. Izdatel'stvo Akademii Na-uk SSSR, 1943. – 383s.
4. Knigin I.A. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. [Tekst] / I.A. Knigin. - Saratov: Li-tsej, 2006. - 270 s.
5. Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya ehntsiklopediya. [Tekst] /pod red. P. A. Nikolaeva, M. V. Stroganova; - M.: Rosmehn-Press, 2006. — 584с.
6. Meletinskij E.M. Mif i dvadtsatyj vek [Tekst] // Meletinskij E.M. Izbrannye stat'i. Vos-pominaniya. - M.: Ros. Gumanit.un-t, 2008. - S. 422-429.
7. Meletinskij E.M. Mif i istoricheskaya po-ehnika fol'klora [Tekst] //Meletinskij E.M. Izbran-nye stat'i. Vospominaniya. - M.: Ros. Gumanit.un-t, 2008. - S. 9-29.
8. Meletinskij E.M. Mif i skazka [Tekst] // Meletinskij E.M. Izbrannye stat'i. Vospominaniya. - M.: Ros. Gumanit. un-t, 2008. – S.272-283.
9. EHliade M. Mif o vechnom vozvrashhenii [Tekst]. - M.: Ladomir, 2000. – 415 s.